

БАЛЕТ ВЕНГРИИ

МЫ ВСТРЕТИЛИСЬ в «красной» директорской ложе Большого театра, которую, вероятно, не минула ни одна из музыкальных знаменитостей мира, побывавших в Москве. Ольга Васильевна Лепешинская на правах хозяйки дома представила мне гостя — своего большого друга, с которым два года вместе проработала в Будапеште, — Дьюлу Харангозо.

— Это один из прекрасных мастеров балета, который утвердил на сцене венгерского театра реалистическое искусство танца. Поистине великая заслуга, если учесть, что он сделал это в период разгула упадочничества и декаданса... Впрочем, наш гость сам расскажет о себе.

— Когда в 1936 году совсем молодым артистом я пришел в Будапештскую оперу, в балетной труппе не было ни одного мужчины. Кордебалет был крайне слаб. Балетмейстерами тогда у нас работали иностранцы, преимущественно итальянцы. И хотя они ставили порой замечательные спектакли, национального балета у венгров, по существу, не было. Даже такой блестящий артист, педагог и балетмейстер, как Ференц Надаши, не видя возможности создавать на родине интересные национальные произведения, жил в те годы в эмиграции. Мне одному из первых удалось поставить в Венгрии фольклорный балетный спектакль («Гордо» — «Кабачок»). С тех пор мной создано 48 постановок, многие из которых идут на сцене и по сей день.

— Я бы добавила, — говорит О. Лепешинская, — идут с огромным успехом. Стиль постановок Дьюлы Харангозо очень своеобразен: у него неповторимый почерк балетмейстера и огненный темперамент. Мы видели в Москве «Деревянного принца» и «Чудесного мандарина» Бартока, «Хитрых студентов» Фаркаша, поставленных Д. Харангозо. Я бы лично отметила в них психологичность и блестящее сочетание традиций классического и фольклорного танца с новыми ритмами. Дьюла, расскажите, пожалуйста, как вы ставили Бартока.

— Мне нравятся короткие и выразительные балетные спектакли. Многозактные зрелища, по-моему, старомодны и слишком тяжеловесны. За редким исключением, они не гармонируют со стилем и ритмом современной жизни. Застывшие, канонизированные формы, «великосветское» содержание не дают простора для творчества. Конечно, классика — это наша школа. Ее должен знать каждый современный балетмейстер, танцоры обязаны владеть ею. Но по-

Беседа с Дьюлой Харангозо и Ольгой Лепешинской

настоящему меня увлекают задачи современного балета. Люблю экспериментировать! Барток еще в конце тридцатых годов привлек меня своей музыкой — ее динамизмом, новым и вместе с тем глубоко национальным звучанием. Мы долго работали над «Чудесным мандарином». Но композитор, посмотрев наши наметки, отказался помогать нам — не понравилось... Либретто и постановку «Деревянного принца» я менял сам. Оживший деревянный человек и его романтические приключения увлекли Бартока, он сам переделывал и дополнял музыку для этого спектакля. После войны в результате совместной работы с композитором удался, наконец, и «Мандарин»...

Мне кажется, что кино и балет — это два вида искусства, требующие, чтобы в короткий отрезок времени было вложено огромное содержание. В балете я стремлюсь максимально сжать действие во времени, добиться напряженности и динамизма. Каждая музыкальная фраза должна нести драматическую нагрузку. Я не признаю «прогулок» по сцене под музыку — это скучно.

Выражаясь образно, я не сторонник того, чтобы хорошее вино разбавлять водой. Мой идеал в балете — чистый спирт.

— Обратите внимание на сценический танец Харангозо, — говорит Лепешинская. — Даже из небольшой эпизодической роли он умеет сделать незабываемую, всегда ярко очерченную фигуру, вполне конкретный человеческий, социальный тип. Эта реалистическая острая трактовка — одна из главных традиций нового венгерского балета, созданного Надаши, Харангозо...

— Вайночечом, Захаровым, Мессерером, Армашевской, — продолжает перечисление балетмейстер. — Мы очень многим обязаны советскому балету. Я хочу, чтобы моя мысль о современном балетном искусстве правильно поняли. Я не противопоставляю классику современности. Мы выступаем за то, чтобы искать оригинальный и органический сплав лучших традиций мирового и национального балета с тем новым, что появляется в нем.

Новый стиль, или «стиль модерн» сам по себе не существует. Он обретает лицо в зависимости от той базы, на которую опирается. У французского хореографа Бежара, например, есть интересные работы, но они слишком абстрактны, оторваны от жизни

реальной и поэтому безлики, неэмоциональны. Эти балеты, как правило, не переживают своей премьеры, они чужды народу.

Наше стремление к новому — совсем иного рода. Мы ищем новые формы, новое содержание, но всегда, если можно так выразиться, не теряем связи с землей. Реализм, ясность мысли — наша основа. Наследие классического балета с его виртуозной техникой, пластичностью, драматической выразительностью мы ценим очень высоко.

В этой связи мне хочется сказать о той замечательной роли, которую сыграла в становлении современного венгерского балета Ольга Васильевна Лепешинская. Два года она была душой и творческой совестью нашего коллектива. Она приехала в Будапешт в качестве репетитора, но фактически была и педагогом, и балетмейстером, и первым советником по всем вопросам нашей нелегкой творческой деятельности. В Москве мы расстаемся с ней, ее миссия в Будапеште окончена. Нам очень и очень грустно. Земной поклон вам, Ольга Васильевна, за то, что вы сделали для нашего балета!

Искренние слова венгерского балетмейстера в адрес прославленной советской балерины — наглядное свидетельство содружества двух наших национальных искусств. В заключение встречи мы попросили Дьюлу Харангозо сказать несколько слов о его творческих планах:

— Они обширны. Сейчас я готовлю к постановке балет, написанный венгерским композитором И. Паташичем по новелле Хуняди Шандора «В военном мундире». По своей фабуле — это современная «Жизель». Нам предстоит много гастролировать. Скоро мы, например, поедем в Монте-Карло. Выступления за рубежом творчески обогащают коллектив. Москва была для нас трудным экзаменом на зрелость. Говорят, мы его выдержали. Я счастлив сказать москвичам, что венгерские артисты уехали домой, окрыленные. Мне кажется, нашему балету теперь по плечу любая задача.

Что ж, больших вам творческих успехов, дорогие венгерские друзья! Наши встречи с балетом братской Венгрии были не только эмоциональными и интересными, они принесли несомненную пользу советским мастерам и любителям хореографии, открыв новые грани в этом прекрасном и вдохновенном искусстве.

Ю. ЦЕНИН.